

Кнор Н. Ю. (Екатеринбург, УрГПУ)

Образ школы в современной подростковой прозе

Аннотация. Статья посвящена анализу современных литературных произведений для подростков: «Шекспиру и не снилось» А. Жвалевского и Е. Пастернак и «Школота» Г. Нугмановой. Рассматривается художественная специфика образа школы, принципы изображения окружающей реальности, с которой взаимодействует подросток сегодня. Также обращается внимание на то, сохраняется ли в новейших произведениях образ Учителя как образца нравственности, сформированный советской литературой.

Ключевые слова: современная литература, подростки, литература для подростков, образ школы, литературные жанры, литературные образы, русская литература, русские писатели, литературное творчество.

Knor N. Yu. (Yekaterinburg, USPU)

The image of the school in modern teenage prose

Abstract. The article is devoted to the analysis of modern literary works for teenagers: «Shakespeare wasn't dreamed» by A. Zhvalevsky and E. Pasternak and «Shkolota» by G. Nugmanova. We consider the artistic specificity of the image of the school, the principles of depicting the surrounding reality, which the teenager interacts today with. Also, attention is drawn to the fact that the image of Teacher as a model of morality, formed by Soviet literature, is preserved in the newest works.

Keywords: modern literature, adolescents, literature for teenagers, school image, literary genres, literary images, Russian literature, Russian writers, literary work.

Современные авторы, пишущие для подростковой аудитории, находятся в поиске тем и сюжетов, актуальных для этой

сложной категории читателей. М. А. Литовская отмечает, что «важнейшей задачей этого сегмента литературы, причем задачей, осознаваемой писателями, является последовательная и целенаправленная социализация молодого человека, передача ему существующих в обществе представлений о ценностях, социальных ролях, нормах, достойных моделях и формах поведения. Предполагается, что на границе детства / взрослости необходимы произведения, закрепляющие в сознании подростка базовые ценности, многократно их повторяющие и транслирующие» [Литовская 2010: 26].

Но проблема заключается в том, как пишет М. А. Литовская, что общество само не может сформулировать те идеалы, на которые должны ориентироваться люди и к которым нужно стремиться подросткам: «разбалансированность социальных институтов, свойственная постсоветскому мироустройству, гибридность норм и практик социальных отношений, отсутствие единых критериев оценки поведения привели к тому, что представления подрастающего поколения о том, «что такое хорошо и что такое плохо», оказались изначально противоречивыми» [Литовская 2010: 28]. Из-за противоречивости моральных и социальных норм остается нерешенным вопрос: кто укажет верный путь в воспитании подрастающего поколения?

В обществе принято возлагать эту ответственность на школу, как на основное местопребывания ребенка. Школа, особое место для каждого из нас, нередко становится центром различных споров, ведь у каждого свое мнение о том, как нужно воспитывать и обучать детей. М. А. Черняк в своей статье «Школа как диагноз» пишет о кризисе школьной темы в литературе в современном обществе, так как Учитель перестал быть ее героем: «В знаковых произведениях 1970-80 гг. о школе и учителях (А. Лиханов «Благие намерения», А. Алексин «Безумная Евдокия», В. Тендряков «Ночь после выпуска», В. Распутин «Уроки французского» и др.) общие стандарты отношения общества к школе преломлялись сквозь призму индивидуальных особенностей и личных качеств учителей. Сегодня на месте подобной литературы – зияющая пустота» [Черняк 2010: 8].

Необходимо отметить, что и раньше школа не всегда изображалась как образец высоких моральных истин. М. А. Черняк

отмечает, что «критическое изображение школы являлось своеобразным лейтмотивом всей русской классической литературы» [Черняк 2010: 17] (говоря это, М. А. Черняк имеет в виду «Очерки Бурсы» Н. Помяловского, автобиографическую повесть С. Аксакова «Гимназия», роман «В путь – дорогу!» П. Боборыкина, «Гимназисты» Н. Гарина-Михайловского, «Кондуит и Швамбрания» Л. Кассиля, повести Л. Чарской, и др.). Далее М. А. Черняк приводит цитату А. Архангельского о сериале В. А. Германики «Школа», подтверждающую ее выводы о кризисе культуры в целом из-за потери образца, в том числе и в фигуре Учителя: «Если бы в фильме Германики при прочих равных появился бы настоящий учитель с грустью в глазах, или высоконравственный четверочник с убеждениями, или, наконец, хулиган с настоящим сердцем внутри, или жертва жестокости одноклассников – словом, один из тех типов, на которых всегда держалось наше кино о переходном возрасте, – все остальное ... выглядело бы не так пугающе» [Черняк 2010: 18].

На сегодняшний день образ школы в литературе представлен достаточно противоречиво и неоднозначно. Практически идеальный, светлый образ школьного Учителя, сформированный в 70-80 гг. прошлого столетия на сегодняшний день оброс абсолютно другими ассоциациями, иногда прямо противоположными тем, что были сформированы в советской литературе.

Рассмотрим новейшие произведения о школе, а именно цикл А. В. Жвалевского и Е. Б. Пастернак «Шекспиру и не снилось» (2013 г.) и повесть Г. Ш. Нугмановой «Школота» (2016 г.), чтобы выяснить, как представлен в них образ школы, какова его художественная специфика и принципы изображения окружающей реальности, с которой взаимодействует подросток сегодня. Выбор этих произведений обусловлен тем, что именно в них наиболее ярко представлена роль школы в формировании личности подростка. Также важно обратить внимание на образы учителей и выяснить, сохраняется ли в новейших произведениях тенденция на «вымирание» образа Учителя как образца нравственности.

В цикле А. В. Жвалевского и Е. Б. Пастернак «Шекспиру и не снилось» показан целый учебный год глазами одного класса. Это произведение необычно отсутствием единой сюжетной линии, рассказы представлены как отдельные отрывки воспомина-

ний о периоде учебы в седьмом классе. Более того, мы видим жизнь этого класса с точки зрения разных рассказчиков, сменяющихся от рассказа к рассказу. Такая особенность построения цикла позволяет увидеть то, что всех героев и сюжеты рассказов объединяет одна проблема – отсутствие понимания между детьми и взрослыми (учителями и родителями).

Так, вчерашние дети, сегодня – семиклассники, подчеркивают свою «взрослость» уже с первых страниц рассказа «Новый год в 7 «А». Семиклассники уже явно не хотят водить хороводов со Снегурочкой, неохотно участвуют в конкурсах и сопротивляются, когда их называют «детьми». Им гораздо интереснее «прикалываться» друг с другом, чем играть в детские игры.

Конечно, у этих семиклассников уже совсем другие, «недетские» проблемы. И здесь обнаруживается еще одна особенность данного цикла – обилие диалогов. В рассказах этого цикла очень мало повествовательных фрагментов, чаще всего это диалоги между одноклассниками. Например, подростки могут долго обсуждать то, как пригласить одноклассницу на свидание, какое фото выложить «ВКонтакте», что будет, если зажженную петарду бросить в унитаз, что подарить девочкам на 8 марта и т. д. Целая масса вопросов и проблем, которые подросток никогда не будет обсуждать с взрослыми.

Зачастую в повествование включается внутренняя речь рассказчика-подростка, анализирующего происходящую ситуацию в его жизни, например: «Я знаю, что я не красотка, и мне не нужно, чтоб прям все мальчики были моими. Мне хватит двух-трех. Да мне и одного б хватило, но только чтоб наверняка. Чтоб слова красивые говорил, чтоб написал на стене «Полюша, солнышко». Я видела, такие есть! Где-то такие есть! И они пишут. Только другим пишут. Не мне», «Интересно, а эта Снеженика в каком классе? По ходу, в девятом, не меньше. Захочет она в виртуале с семиклашкой замутить, да еще с таким ботаником-отличником, как я? Да еще из далекого Иркутска. Надо под москвича закосить. И покруче с ней...» [Жвалевский, Пастернак: 2013]. Эти внутренние монологи чаще всего направлены на то, чтобы определить свое место в этом мире и среди сверстников, что, конечно же, является самым главным и самым сложным для подростков.

На этом фоне ярко прослеживается то, что диалоги подростков со взрослыми в рассказах сведены к минимуму. Даже с родителями дети не стремятся вступать в близкий контакт. А все потому, что родители безразличны к ежедневным событиям жизни подростка: почему их ребенок не хочет ехать на тренировку, из-за чего он подрался в школе, какое видео хочет показать на телефоне, желает ли участвовать в очередных олимпиадах и соревнованиях и т. п. Анализируя это, становится понятным, почему, например, Таня в рассказе «Назло!» решается закурить сигарету, ведь мама ей все равно не поверит, что она до этого никогда не курила.

В части «Шекспиру и не снилось» происходит кульминация конфликта мира подростков и мира взрослых. По сюжету, семиклассницы Маша Иванова, Милка Кислицина и Таня Лопахина отправляются в театр, где начинают громко смеяться в самом напряженном моменте. Естественно, что рядом сидящие взрослые посчитали их «отмороженными и бесчувственными уродами». Но только читатель знает, что время трагичной сцены самоубийства Джульетты Таня вспоминала про тяжелую болезнь младшей сестры, а Милка думала о том, как рыдала мать, когда отец ушел из семьи к любовнице. Трагическая сцена, во время которой все люди сидели с «печальными» лицами, показалась им сущим пустяком по сравнению с тем, что происходит в реальной жизни этих девочек: «Так что я не собираюсь рыдать, как некоторые, когда вижу эту шекспировскую дурь. Смешно мне, понимаете! Мне смешно!!!» [Жвалевский, Пастернак: 2013]. Появление такого сюжета среди других рассказов цикла весьма необычно, так как здесь читатель воспринимает подростков не с точки зрения родителей или учителей, а совершенно посторонних людей, далеких от школы. Тем не менее, никто из взрослых не догадывается, что скрывается под маской неуместного смеха героев рассказа.

О роли учителей в жизни этих подростков можно судить по рассказу «Сочинение». Конфликт между учениками и учителями возникает из-за того, что некоторые семиклассники отказываются писать скучное изложение о пользе чтения книг. И, очевидно, что их не столько смущает тема изложения, выбранная молодой практиканткой, сколько возмущает то, что нельзя пи-

сать на свободную тему. Подростками воспринимается это как неуважение к их личностям. И только явный протест Рожко заставил учителей прислушаться к желаниям учеников. Правда, даже дав ему возможность писать на произвольную тему, завуч все равно осталась недовольной: «Вчера к нам в класс влетела завуч по воспитательной работе и захлебываясь словами начала кричать про то, что она не позволит что-то там, что это подрыв чего-то там, и вообще такого она от нас не ожидала. При этом она все время косилась на портрет президента и норовила встать по стойке «смирно». Честно говоря, мы ничего не поняли» [Жвалевский, Пастернак: 2013]. Показательно, что ни имени практикантки, ни имени завуча не называется в рассказе, зато всех учеников класса мы знаем поименно. Этот факт указывает на незначительность роли учителей для этих подростков.

В цикле «Шекспиру и не снилось» обнаруживается явный конфликт между взрослыми и детьми. Для подростков важнее оказывается то, что скажут их одноклассники и друзья, чем то, что скажут их родители или учителя. Для взрослых важнее оказываются их собственные заботы, они не придают значения проблемам детей. Из-за того, что каждая из сторон не стремится понять друг друга, регулярно возникают недопонимания.

Очевидно, что для подростков важен исключительно круг их сверстников. В финальном рассказе «Свобода!» мы видим весь класс в неформальной обстановке похода. Несмотря на то, что в планы девчонок входило быть красивыми и заигрывать с мальчишками, а у парней – незаметно распить пиво в лесу, одноклассники были объединены одной целью – дожидаться ночи, когда уснут учителя, и повеселиться всем вместе. И вот, ночью, тайно, когда, наконец, все одноклассники собрались на берегу озера и осознали свою свободу от взрослых, они так и не смогли ею насладиться, а начали спорить, вспоминая прошлые обиды. Когда споры перерастают в ругань, наступает рассвет: «Солнце вставало уверенно и неторопливо, было понятно, что оно взойдет, несмотря ни на что. Можно было продолжать ругаться, или умереть, или разом прыгнуть с обрыва, или спеть какой-нибудь гимн – солнце все равно встало бы» [Жвалевский, Пастернак: 2013]. Все ребята замолкли и заворуженно смотрели на встающее солнце... В этой сцене подростки становятся какими-то

другими, лучше, чем на протяжении всей книги: «...все стали отводить глаза в сторону, стараясь не наткнуться взглядом друг на друга. Долговязый Кирилл отпустил куртку Лопуха, которую он, оказываясь, продолжал все это время сжимать. Смutilлся и расправил Лопуху воротник. Пухлый Лопух смutilлся еще больше, и его оттопыренные уши горели ярче рассвета. Никитос, попросив взглядом прощения у Леры, набросил куртку на плечи Полины. Полина, маленькая и хрупкая даже на фоне худощавого Никиты, сделала полшага и оказалась совсем рядом с ним. Никита обнял ее за плечи – и никто не засмеялся» [Жвалевский, Пастернак: 2013]. По контрасту с предшествующими эпизодами, автор меняет здесь душевное состояние подростков, показывая их обычную жизнь, общение, переживания рядом с образами природы и образами вечности.

Обратимся к повести Г. Ш. Нугмановой «Школота». Произведение также построено таким образом, что в нем нет единого сюжета, а лишь разрозненные фрагменты повествования (сцены реальной жизни, переписка в «ВК», посты на форуме, приемы у психотерапевта, мысленные образы, цитаты великих людей, отрывки из сочинений и т. Д.) «склеены» в одно целое. Как и цикл А. В. Жвалевского и Е. Б. Пастернак повесть Г. Ш. Нугмановой также включает в себя множество диалогов. Но в отличие от «Шекспиру и не снилось» «Школота» показывает не столько общение подростков друг с другом, а преимущественно диалоги между подростками и учителями. Если учесть, что школа в этом произведении не совсем обычная, а школа-интернат, где у большинства детей дефицит общения с родителями, то можно с уверенностью сказать, что учителя играют в их становлении как личностей важную роль.

В повести мы смотрим на происходящее не глазами подростков, а глазами молодой учительницы, Марии Александровны Мироновой. Именно от ее лица ведется повествование в большей части повести, ее мысли и внутренние диалоги самой с собой мы читаем на протяжении всего произведения. Такое построение художественного текста позволяет нам взглянуть на другую сторону одной медали: посмотреть на современных подростков глазами учителя.

Повесть Г. Ш. Нугмановой «Школота» уже своим названием подчеркивает проблемный характер изображаемых в нем подростков из школы-интерната «ШАНС». Конфликт подростков (10 класс) с миром «взрослых» обнаруживается уже в первой главе «Свиньи», где Мария Александровна Миронова решает отказаться от классного руководства, потому что ребята в очередной раз устроили беспорядок в классе. И, как ни странно, в этой сцене «взрослые» и «дети» как бы меняются местами, потому что школьники ведут себя намного мудрее и классного руководителя, и даже директора школы. Одноклассники объединяются, думают, как им извиниться, в то время как учитель, кроме вывески «Здесь живут свиньи» на двери кабинета, ничего лучше придумать не смогла.

Отказываясь от классного руководства, М. А. Миронова расписывается в собственном бессилии, ведь даже такую, казалось бы, простую ситуацию, как беспорядок в классе, она не состоянием решить. Этот эпизод показывает читателю, что учитель – не всегда сильная личность, которая может преодолеть любые преграды и повести за собой детей. Иногда этот самый учитель морально слабее, чем его ученики.

Повествование прерывается регулярными «вставками», например, перепиской «классной» с директором: «Я поговорю с ними, скорее всего, они постараются изменить ситуацию. Если они одумаются, ты заберёшь заявление? – Виктор Петрович! Они же не дети! Им по 16-17 лет, это уже взрослые люди, они уже пьют, курят, работают, спят друг с другом. А элементарным вещам – убирать за собой – до сих пор не научились! – Машенька, я ещё раз повторяю: если я с ними поговорю, и они исправятся, ты будешь у них классным руководителем? – Они не исправятся! – Если они пообещают следить за порядком в классе? – Я не знаю, возможно...» [Нугманова 2016] или записью приема у психотерапевта: «Как прошла неделя? Что вас встревожило, беспокоило? – Один мой ученик сказал, что меня зарежет, когда станет хирургом и если я попаду к нему под нож. – Вы думаете, он серьёзно? – Нет, конечно, но всё-таки. – Что вы почувствовали, когда он это сказал? – Недоумение, растерянность, обиду» [Нугманова 2016]. Эти «вставки» помогают глубже понять главную героиню, М. А. Миронову, раскрывают ее

характер. Читатель понимает, что молодую учительницу нельзя в полной мере назвать «взрослым» человеком, так как зачастую она не знает, как правильно поступить в той или иной ситуации, постоянно ищет совета.

Отношение родителей к своим детям, ученикам данной школы-интернат, показано в главе «Выкидыш». Родители не знают своих детей и не пытаются их понять. Одним важно только то, чтоб их ребенок просто получил аттестат любой ценой, другие в своем ребенке видят только «домработницу», третьи за чередой вечных семейных скандалов и шума от телевизионных передач вообще забывают, что у них есть ребенок. Родители сами «выкидывают» своих детей в школу-интернат, чтобы те не мешали им строить свою жизнь, а потом удивляются, почему их дети теперь не хотят учиться, не уважают своих родителей и вообще «катятся по наклонной». Можно прийти к выводу, что родителей тоже нельзя в полной мере назвать «взрослыми», потому что они тоже не готовы нести ответственности за свои действия, не видят своих ошибок.

Как отмечалось выше, диалогов между подростками в повести немного. И в этих немногочисленных диалогах чувствуется, что подростки, в отличие от «взрослых», знают, чего хотят, и в состоянии сами решить свои проблемы. Например, они способны понять, что учитель по английскому языку не сможет их качественно подготовить к ОГЭ и просят директора заменить его: «А я всё равно боюсь. – Ничего, директор нам говорил, что в школе есть возможность выбора педагогов. Пусть теперь свои слова делом докажет. – Никто не будет нам менять учителя в феврале, неужели ты этого не понимаешь? – Я надеюсь, что директор выполнит своё обещание. – Конечно, ему больше делать нечего! – Я видел, как он разговаривал с Владимиром Романовичем, тот ушёл очень недовольный. – Но это не значит, что нам заменят учителя, вот придём завтра на урок – нам ещё от Романыча и достанется! – Посмотрим, кто кого» [Нугманова 2016].

Как ни парадоксально, но «взрослыми» в этой повести можно назвать только учеников. Дети школы-интернат «Шанс» давно уже «переросли» и свою молодую учительницу, и своих родителей, и даже директора-идеалиста, который не видит в школе проблем, пытаясь «сгладить» любой конфликт. В школе, где нет столовой,

нет спортзала, нет охранника, с ранних лет подростки сами учатся организовывать свое питание, находить теплую одежду для занятий физкультурой на улице, самостоятельно следить за дисциплиной в школе. Эти дети привыкли все решать самостоятельно.

Итак, тема школы в новейших произведениях представлена неоднозначно. Школа в этих произведениях представляется как место, где ученики и учителя находятся в постоянных конфликтах, где обе стороны даже не хотят услышать позицию друг друга. Так же, и в цикле А. В. Жвалевского и Е. Б. Пастернак «Шекспиру и не снилось», и в повести Г. Ш. Нугмановой «Школота» нет того самого образа Учителя, которого можно было бы воспринять как образец, к которому нужно стремиться. У родителей, с их вечными делами и проблемами, зачастую нет ни времени, ни желания заниматься подростками. Отдавая своих детей в школу, они надеются, что там их научат «разумному, доброму, вечному». Однако и учителя далеко не всегда могут являться примером для подражания подросткам, потому что часто не видят своих собственных ошибок. Ни учителя, ни родители не понимают и не хотят понять современное поколение. Получается, что дети предоставлены сами себе, и, путем проб и ошибок, учатся жить в современном мире, наполненном множеством испытаний.

Оба произведения, проанализированные нами, представляют собой «мозаику» из не связанных между собой единой сюжетной линией отрывков. Такое сплетение разрозненных событий в одну цепочку напоминает мышление современного подростка, в голове которого путаница из реальных событий, различных мысленных образов, отрывков воспоминаний, мечтаний, переписок и постов в социальных сетях. С таким мировосприятием подросткам сложно наметить верный жизненный путь, трудно понять, что правда, а что ложь, что хорошо, а что плохо. А. В. Жвалевский и Е. Б. Пастернак, и Г. Ш. Нугманова в своих произведениях показывают реальных детей, с их реальными заботами, манерой общения и интересами. Современные подростки вступают во взрослую жизнь, где нет никаких канонов и идеалов. Однако, пребывая в этом мире без должных наставников, подростки стремятся к объединению, к общему решению проблем, что, безусловно, обнадеживает.

Литература

1. *Жвалевский А. В., Пастернак Е. Б.* Шекспиру и не снилось. – URL: <http://kniguru.info/short-list-vtorogo-sezona/shekspiru-i-ne-snilos>.

2. *Литовская М. А.* «Время всегда хорошее»: социальная психология для современного подростка // *Детская литература сегодня: сб. науч. ст. – Екатеринбург: УрГПУ, 2010. – 154 с.*

3. *Нугманова Г. Ш.* Школота. – URL: <http://kniguru.info/korotkiy-spisok-sedmogo-sezona/shkolota>.

4. *Черняк М. А.* Школа как диагноз: опыт современной прозы // *Детская литература сегодня: сб. науч. ст. – Екатеринбург: УрГПУ, 2010. – 154 с.*